

В 1983 году мне вместе с писателем Даниилом Граниным довелось встретиться со знаменитой болгарской ясновидящей Вангой. Встреча проходила в ее деревенском доме, продолжалась она около часа. Ответив на многочисленные вопросы Гранина, Ванга стала говорить о светлом будущем России, о Ленине. Вот ее слова: «Учение Ленина по своему значению равно учению Христа. Так же, как Христос, он будет гоним и хулим, но придет время, и люди оценят Ленина». Признаться, в 1983 году я не придавал значения предсказанию относительно хулы и гонений на Ленина — тогда это просто невозможно было себе представить.

Но не прошло и десяти лет, как все сбылось. Начатая первым номенклатурным перевертышем Волкогоновым омерзительная кампания по очернению великого человека, всем миром признанного гением XX века, велась «демократами» и «либералами» с усердием осла, пинающего мертвого льва. Их судьба подтвердила пушкинское: «Есть высший суд». Предавшего первым генерала, самых усердных хулителей — писателей Адамовича, Солоухина, Астафьева, политических авантюристов Яковлева, Собчака и Старовойтовой уж нет на этом свете. Так будет и с другими. Бог правду видит, да не сразу скажет. Надо бы хотя бы с целью самосохранения иметь это в виду целой рати, по команде сверху усердствующей в подкопе под ленинский мавзолей — всем этим ничтожным слизкам, матвиенкам, захаровым, михалковым, немцовым, жириновским. Хотите жить, господа? Остановитесь, пока не поздно.

Возвращаясь к хулителям Ленина, надо признать, что их подлый труд не пропал даром. Многолетнее промывание мозгов прессой, радио и телевидением у многих людей совершенно деформировало представления об истории и ее судьбоносных личностях, прежде всего, о Ленине и Сталине.

Глубокий исследователь и талантливый публицист Александр Зиновьев считал, что (цитирую) «Ленин и Сталин — это в сущности одна личность, раздвоенная в силу физической смерти Ленина». Однако в массовом сознании существует устойчивое представление совершенно противоположного смысла. Оно образовалось вследствие манипуляций антикоммунистов с той частью ленинского наследия, которая именуется его завещанием. Постараемся же объективно разобраться в связанных с ним событиях и фактах.

КАК ЛЕНИН ОТНОСИЛСЯ К СТАЛИНУ

В отличие от всех других своих соратников, которых Ленин честил иногда самыми последними словами («иудушка Троцкий», «подлейший карьерист и фракционер», «проходимец», «в политике он ни бени ме», «политические проститутки Зиновьев и Каменев», «с нами, но не наш» — о Дзержинском), о Сталине он никогда не отзывался негативно. Широко известно только одно ленинское определение: «чудесный грузин». А глаз у Владимира Ильича был зоркий и точный. Сталин не раз и не два подтверждал, что в его оценке вождь не ошибался. Сергей Есин, автор талантливого и, думаю, самого смелого в последние два десятилетия (издан в 2002 году) романа «Смерть титана. В.И. Ленин», подробно прослеживает взаимоотношения двух крупнейших мировых политиков XX века. Приведу несколько выдержек из романа.

«Сталина все время пытаются обвинить в предательстве Ленина. Никогда он Ленина не предавал».

При подъезде к Петрограду в пасхальный день в апреле 1917 года «у Ленина, смутно бродила мысль: не окажется ли он, вчерашний эмигрант, в Петропавловке. Но в Петрограде все же действует любимый ученик, который в это время, не без гордости, начинает по-новому подписывать свои статьи — Коба Сталин. Отчасти по сдвоенному ударению это почему-то напоминает другую подпись: Ульянов (Ленин). Он, Сталин, ставший к этому времени влиятельной фигурой при новой расстановке сил, уговаривает руководителей Совета встретиться на вокзале большевистского лидера. Братание сил революции. На Финляндском вокзале были открыты даже царские комнаты. Стоял почетный караул и броневик. Этим самым встрече было придано государственное значение».

«Сталин вместе с Лениным в этом переустройстве мира. Надо еще не забывать, что «Правда» — в сталинских руках. Как и всегда, Сталин поддержит Ленина и, если надо, поможет ему, чтобы вместе с ним прийти к победе. На апрельской конференции большевиков Сталина впервые тайным голосованием избирают в ЦК. Его рекомендует сам Ленин: «Товарища Кобу мы знаем очень много лет. Хороший работник на всех ответственных работах». Сразу же после конференции было выбрано Бюро, состоявшее из четырех человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин».

После июльской демонстрации, расстрелянной Временным правительством, «именно Сталин спас Ленина от ареста. Боже мой, какие здесь начались общественные движения! Как же так, Ленин должен пойти в суд, в суде снять с себя клевету. Но Сталин тогда твердо сказал, он ведь практик: «До суда не доведут, убьют по дороге». Потом он перевезет Ленина в Разлив, в шалаш. Но этого места, кроме Сталина, не знал никто. Человеком, которому Ленин смог доверить свою жизнь, — был Сталин».

ВЫБОР

В 1921 году Владимир Ильич попросил своего младшего брата Дмитрия переехать из Крыма, где он тогда работал, в Москву. Как говорила мне Ольга Дмитриевна Ульянова, «Владимир Ильич чувствовал ухудшение

здоровья и хотел, чтобы папа был рядом. И как родной человек, и как врач, которому он очень доверял».

В своей книге «Очерки разных лет» Дмитрий Ильич Ульянов писал: «По официальным данным, Владимир Ильич заболел в 1923 году, но он рассказывал мне осенью 1921 года, что хочет жить в Горках, так как у него появились три такие штуки: головная боль, при этом иногда и по утрам, чего у него рань-

МОЩНЫЕ СИЛЫ БЫЛИ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ЛЕНИНА

В 1922–23 ГОДАХ, ЧТОБЫ ИЗ РУК САМОГО ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ПОЛУЧИТЬ ВЫСШУЮ ВЛАСТЬ В ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕ

ше не было. Потом бессонница, но бессонница была у него и раньше. Потом нежелание работать. Это на него было совсем непохоже. Как я выяснил с врачами-специалистами, головные боли, бессонница и нежелание работать, часто головные боли по утрам — для молодого возраста это симптом «комплекса неврастении», а в таком возрасте характерный для артериосклероза мозга. Бессонница у него всегда бывала, он и за границей жаловался, а вот такая вещь, как нежелание работать, — это было новым. Владимир Ильич сказал: «я хочу остаться здесь на осенние месяцы, а может быть, и зиму проживу здесь».

Вот как было на самом деле. Совсем не так, как внушают нам фальсификаторы, обвиняющие Сталина в насильственном заточении Ленина в Горках. Но если предстоило жить вне Москвы и быть «оторванным от повседневной деятельности партии и государства, следовало найти абсолютно надежного человека, способного в этой повседневной жизни представлять и часто заменять Ленина. Таким человеком был Сталин. В 1922 году после XI съезда партии Ленин рекомендовал Пленуму ЦК избрать его генеральным секретарем ЦК.

О том, как видел роль Сталина в партии Ленин, красноречиво говорит его собственноручная приписка в протоколе Пленума ЦК:

«Принять следующее предложение Ленина:

ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов и опубликовать его, при этом принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично, перепоручая таковую работу своим техническим секретарям.

Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях.

ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрин с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ...»

Видел ли Ленин в нем тогда преемника? Вряд ли. Конечно, Владимир Ильич был в высшей степени реально мыслящим человеком и уже тогда знал, что его болезнь может только прогрессировать. Однако же ему, как любому другому смертному, представлялось, что это дело более или менее далекого будущего. Врачи, в свою очередь, дружно внушали ему оптимизм. Тридцать лет спустя, Сталин после перенесенных инсультов не сумел правильно оценить оставшееся ему время жизни и передать власть из рук в руки тому, кому хотел. А Ленин передал. Передал в период, когда ни у кого не было никаких оснований сомневаться в продуманности его выбора. Это и является важнейшим аргументом против всех спекуляций на тему Ленин—Сталин.

Еще один неопровержимый аргумент — хроника встреч Ленина и Сталина в 1922 году. Никого из своих соратников Владимир Ильич не принимал так часто, как Сталина. Были периоды, когда он всем, кроме Сталина, отказывал во встречах, как те ни просились.

Понятно, тем это очень не нравилось. В особенности амбициозному, напористо претендовавшему на первую роль Троцкому. Он стремился любыми путями обеспечить себе особые отношения с Лениным. Помогала ему в этом давняя и преданная сторонница Н.К. Крупская. Она, помимо принятого в ЦК порядка прохождения документов и корреспонденции, установила свою личную связь с Троцким, передавала его записки Ленину и побуждала мужа

отвечать на них, хотя сам Владимир Ильич никогда добрых чувств к Троцкому не испытывал, как и Троцкий к нему. Приведу свидетельство М.И. Ульяновой, которое, хотя и было опубликовано, не цитировалось никем, кроме автора самой серьезной и глубокой книги о Сталине Н.И. Капченко.

«На одном заседании ПБ Троцкий назвал Ильича «хулиганом». В.И. побледнел, как мел, но сдержал-

КТО ХОТЕЛ

ТРОЦКИ

ся... Симпатий к Троцкому и полимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним».

А вот что писала Мария Ильинична о взаимоотношениях Ленина и Сталина. Это наиболее авторитетное свидетельство:

«Зимой 20, 21, 21—22 гг. В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал. Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И. и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло. В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите!». «Когда же вы видели, чтобы я лукавил», — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В.И. не стал поправляться, и ему не были разрешены свидания с товарищами.

В это время Сталин бывал у него чаще других. Он приехал первым к В.И. Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр. В этот и дальнейшие приезды они говорили и о Троцком, говорили при мне, и видно было, что тут Ильич был со Сталиным против Троцкого».

БОЛЕЗНЬ ПРОГРЕССИРУЕТ

Развитие болезни Владимира Ильича освещено в книге предпоследнего директора Музея В.И. Ленина, доктора исторических наук В.Е. Мельниченко «Личная жизнь Ленина»: «Утром 25 ноября 1922 года у Ленина случился сильный спазм прямо в его квартире. Владимир Ильич упал на пол. Мужчин не было, а женщины не смогли поднять его. Хотели позвать на помощь, но Ленин запретил, сказав, что встанет сам. Действительно, через полторы-две минуты он поднялся, дошел до своей комнаты и лег в постель. Через час Ильич уже был в рабочем кабинете, продиктовал по телефону письма Сталину и Троцкому, затем взял с собой документы и вернулся домой, где продолжал работать.

Прибывшие врачи предложили Ленину «целую неделю отдыхать, не участвовать ни на одном заседании и не производить официального приема». Это предписание Владимир Ильич нарушил тотчас, приняв Цюрупу для длительной беседы.

27 ноября было два спазма, причем один из них продолжался 20 минут: паралич был полный, но речь не затронута. Ленин продолжал работать, и врачам с трудом удалось уговорить его уехать в Горки, где он был с 7 по 12 декабря. «В Горках, — писала Мария Ильинична, — параличи бывали у Владимира